

Цинь Гэ смущённо признался:

— Получив квалификацию регулятора, я в основном занимался проверкой «моря сознания» новых сотрудников в Кризисном бюро. Практического опыта у меня мало.

Лу Цинлай кивнул. Он поставил чашку кофе мягко и ритмично. Цинь Гэ всегда казалось, что его движения тщательно просчитаны: изящные, вежливые, но лишённые естественности.

Лу Цинлай снова заговорил:

— Могу сказать, что «море сознания» Се Цзыцзина действительно было повреждено, и очень серьёзно. Причина — его личное дело, я не могу рассказать. Но его способность к самовосстановлению невероятно сильна. Поэтому, даже если «море сознания» сузилось до размеров комнаты, его психическое состояние остаётся стабильным.

Цинь Гэ медленно кивнул.

Он видел берберийского льва Се Цзыцзина. У Стража с аномальным «морем сознания» духовная сущность не могла бы оставаться целой и неизменной.

В учебниках по исследованию «моря сознания» он встречал множество примеров мутаций духовных сущностей из-за психических расстройств. Духовная сущность — это материализация внутреннего мира. Если сознание теряет контроль, сущность неизбежно меняется, причём самым причудливым образом.

— Я учил его четыре года. За это время я бесчисленное количество раз патрулировал его «море сознания» и никогда не находил аномалий, — уверенно заявил Лу Цинлай. — И людей с повреждённым «морем сознания» гораздо больше, чем ты думаешь. Даже если оно узкое, это не означает психическую ненормальность. Можешь быть спокоен: с психикой Се Цзыцзина всё в порядке.

Цинь Гэ на мгновение задумался, затем не удержался и высказал истинную мысль:

— Но я хочу ему помочь. Я хочу исследовать, что находится за пределами той комнаты. Там наверняка кроется причина его проблем с памятью.

— Если твоё исследование причинит ему боль, ты всё равно будешь это делать?

Цинь Гэ замер.

— Ты не думал, что он оставил только комнату потому, что всё за её пределами для него невыносимо?

Цинь Гэ действительно не рассматривал такой вариант.

— Не считай всё необычное плохим, — Лу Цинлай взял металлическую ложку и легко постучал ею по краю керамической чашки. Звук был чистым и ритмичным. — Для некоторых необычное — это самозащита. Они не могут утешить или проработать себя обычными способами. Только через необычное они сохраняют внешнюю нормальность. Жалко, правда?

Цинь Гэ сглотнул.

— Профессор Лу... — он напряжённо улыбнулся. — Зачем вы наложили на меня внушение?

Он смотрел на кофейную ложку в руке Лу Цинлая. Ритмичный звук прекратился.

Белый туман поднялся из-под ног Лу Цинлая и уже скрывал ступни Цинь Гэ.

— Просто хотел сыграть с тобой в игру. Раз ты заметил, внушение бесполезно, — Лу Цинлай рассмеялся, затем стал серьёзен. — Я рад, что у Се Цзыцзина есть друг, который о нём заботится. Но я не одобряю твоего глубокого вмешательства в его «море сознания». Это место, куда даже я не проникал.

Он постучал по столу. Белый туман обвил его тело и через мгновение исчез. На плече Лу Цинлая устроилась золотистая обезьянка.

— У меня лекция, — Лу Цинлай погладил хвост обезьянки и посмотрел на часы. — Я расскажу Проводникам из Комитета по делам особых людей о «море сознания». Если интересно, приходи.

Он не сказал, какое внушение собирался наложить. Цинь Гэ сидел в кафе, допил кофе и только тогда направился в указанную аудиторию.

Разговор с Лу Цинлаем подтвердил одно: с Се Цзыцзином в прошлом что-то произошло. Но Лу Цинлай не собирался рассказывать об этом Цинь Гэ и предупредил его не соваться в «море сознания» Се Цзыцзина.

«Это место, куда даже я не проникал» — значит, и тебе нельзя. Видимо, таков был смысл.

Цинь Гэ было неприятно. Он словно оказался в изоляции со стороны Лу Цинлая и Се Цзыцзина. Без причины он мысленно упрекнул Се Цзыцзина: «Говорил же, что нравлюсь. Лжец».

Лу Цинлай был знаменитым ментальным регулятором и учителем многих выпускников «Новой надежды» в Комитете по делам особых людей. Цинь Гэ опоздал и, как другие, стоял у стены.

Лу Цинлай непринуждённо облокотился на кафедру. Без проектора и записей, с пустыми руками, он начал говорить, будто ведя беседу.

Цинь Гэ вскоре понял: лекция о том, как Проводники могут незаметно исследовать детали психики Стража во время «патрулирования моря сознания».

Все Проводники могут проводить поверхностное погружение, касаясь лишь мелководья. Только ментальные регуляторы способны проникать в глубины, добираясь до сокрытых тайн.

— Раньше считали, что лишь регуляторы могут накладывать внушения в глубинах, корректируя эмоции и психику Стража. Но Проводники тоже способны на это — да, именно, уже на мелководье, — улыбнулся Лу Цинлай.

Цинь Гэ слегка нахмурился. Опять внушения. Непонятно, почему Лу Цинлай так любит это делать.

— Но содержание внушения нужно тщательно отбирать, — Лу Цинлай говорил чётко, низкий голос легко привлекал внимание. — Конечно, нельзя просто орать в «море сознания» Стража: «Нравься мне, люби меня, отдай деньги». Да-да, Сяо Ху прав.

Он кивнул одному из слушателей:

— Мы должны влиять на самооценку Стража.

Цинь Гэ вздрогнул.

— В «море сознания» каждого есть самосознание. Найдите его и поговорите, — взгляд Лу Цинлая скользнул по аудитории, на миг задержавшись на Цинь Гэ. — Скажите ему: «Ты прекрасен. Ты достоин любви. Ты нравишься». Или... «Ты отвратителен. Ты разочаровываешь. Тебя никто не любит».

Цинь Гэ стоял ошеломлённый, лишь спустя время заметив, что сжал кулаки. По коже побежали мурашки. Страх и ужас леденили.

Слова Лу Цинлая шокировали и остальных. Это уже выходило за рамки помощи — он учил методам внушения и контроля над Стражами и Проводниками.

Кто-то поднял руку:

— Это невозможно. Попытки повлиять на «море сознание» — главная причина бунтов и даже цунами. Любой будет защищаться, особенно против вторжения. Самосознание никогда не поверит захватчику.

Цинь Гэ подумал: «Нет... Если человек безгранично доверяет регулятору, он полностью откроет своё «море» и будет верить каждому слову».

В учебниках по этике регуляторов много страниц посвящалось контролю уровня доверия.

Это опасная профессия для обеих сторон. Глубокое погружение — огромный риск. Контроль над человеком в его «море» строго запрещён.

Выслушав вопрос, Лу Цинлай захолопал:

— Отлично! Прекрасно!

Он развернулся, взял маркер и с силой написал на доске: «Ограничение» и «Защита».

— Вот о чём я сегодня хотел поговорить: как ограничивать себя при вторжении в чужое «море» и как защищаться от захватчиков. Всё предыдущее было лишь прелюдией...

Он поднял взгляд на последний ряд. Цинь Гэ уже ушёл.

Се Цзыцзин и Тан Цо прибыли в Комитет по делам особых людей ближе к полудню.

Тан Цо спешил сдать документы и получить подпись Цинь Гэ. На выходе он увидел, как Се Цзыцзин у сторожки что-то выясняет у дежурного, и понял, что тот не знает дороги. Они взяли такси вместе.

— Мне нужен заместитель генерального секретаря Цай, — Се Цзыцзин показал охраннику Кризисного бюро своё удостоверение.

Охранник ответил:

— Заместитель Цай на больничном.

<http://bllate.org/book/15560/1384564>